

как образ смерти в древнерусской литературе представляется непременно с косою в руке. Пожалуй, единственное бытовое сравнение, проникшее в перевод, имеется в следующей фразе: «отхоцется и с медом гарнок, коли принесу меду гарнок». Правда, передает оно оригинальный текст с искажением, в польском стихотворении это звучит так: «othchodzocz szya sz myodem tarnek, gducz przynoyosza yadv garnek».

Русский перевод в целом воспринимается как назидательно-наставительное произведение, близкое поучительным повестям и притчам. Из его текста нельзя извлечь ни одного юмористического примера или сравнения, которые в большом количестве имеются в оригинале. Каким путем смог добиться этого переводчик, можно проследить на ряде примеров.

Содержанию польского стихотворения в целом юмористически сатирическое звучание придает прием сопоставления беседы между Смертью и Поликарпом как разговора между учителем и провинившимся учеником. Через все произведение проходит нить издевательства над магистром, который бесконечно унижается перед Смертью. Эта ситуация и придает всему произведению, несмотря на мрачную тему, веселое звучание.

Автору стихотворения понравилась идея сопоставления со школьными порядками. В начале стихотворения Смерть представлена как грозный учитель. Во вступлении говорится, что все люди в свое время должны предстать перед Смертью, причем это передано в такой фразе: «Kaszy w geu scolye bycz muszy, dzuszno szya szvum zakom stavu» (Каждый в ее школе быть должен, удивительно она является своим учеником). Русский переводчик внимательно следит за сравнениями со школьной терминологией и старательно их снимает в своем переводе как в данном случае, так и в дальнейшем. Эта фраза в русском тексте звучит так: «Каждый в ея власти имат быти, дивно ся в своем законе ставит».

Автор польского стихотворения, развивая свою мысль, говорит, что хочет привести пример на эту тему — о том, как перед Смертью предстал некий Поликарп, мудрец великий и избранный учитель (madzecz vyelyku, mysthrz vubranu). Увидев Смерть, этот мудрец упал навзничь, «как дурак» (yako vuła). Последние два слова не были включены в русский текст.

Моментальное превращение мудреца в бестолкового, перепуганного школьника придает беседе между Смертью и Поликарпом юмористически сатирический характер. Смерть обращается к магистру как к незадачливому ученому:

Wstan, mystrzv, othpovyecz, gyesthly vmyesz.
 Za po polszkv nye rozszvmyesz?
 Snacz czy sortes²¹ nye pomosze,
 Przelaknalsz szya, nyebosze.
 Iusz odethch mi, nyeborakv,
 Mow sze mnv, vbogy zakv.
 Nye boy szya dzysz moyey scoliy,
 Nye dam szy czyszcz epistoly.²²

²¹ Это слово Неринг определяет как школьное выражение (Altpolnische Sprachdenkmäler. Systematische Übersicht, Würdigung und Texte. Prof. Dr. Nehring. Berlin, 1886, стр. 285). Польский текст стихотворения цитируется по этому изданию, по орфографии, принятой издателем.

²² Встань, мистр, отвечай если умеешь,
 Или ты по-польски не понимаешь?
 Знать тебе... не поможет,
 Успокойся теперь несчастный.
 Говори со мной.
 Бедный школяр.
 Не бойся сегодня моей школы,
 Не дам тебе читать епистолы.